П. Е. Астафьевъ.

ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГО

ВЪ РОЛИ ВЕРХОВНАГО НАЧАЛА

НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

(ПОПУЛЯРНЫЙ ОЧЕРКЪ).

Изданіе М. П. Астафьевой.

Москва. 1892.

Типографія П. Е. Астафьева, Арбатъ, д. Платонова.

Дозволено цензурою. Москва, 25 апрѣля 1892 года.

I.

Какъ глубоко ни было-бы духовное оскудѣніе человѣка, его нравственное одичаніе, какъ ни былъ-бы опустошенъ сомнѣніемъ и отрицаніемъ его умственный міръ, никогда не умираетъ въ немъ до конца чисто человѣчная потребность какихъ нибудь идеальныхъ началъ и цѣлей жизни, какой-нибудь вѣры, надежды и любви вообще. Утративъ прежнія свои, глубокія и бывшія для цѣлыхъ тысячелѣтій животворными, вѣрованія, надежды и стремленія, властно направлявшія и поддерживавшія душевную жизнь ряда поколѣній, онъ не можетъ остановиться на *чистомъ* безвѣріи, равнодушіи, безнадежности. Чѣмъ нибудь жить духовно ему необходимо. И вотъ онъ неизбѣжно, всѣми силами духа, стремится къ отысканію какихъ либо новыхъ идеальныхъ руководящихъ началъ въ замѣнъ старыхъ, утраченныхъ повидимому безповоротно. Онъ съ неутомимымъ рвеніемъ и напряженіемъ всѣхъ своихъ умственныхъ силъ ищетъ создать, придумать для себя новыя вѣрованія, надежды и привязанности, на которыхъ духъ его могъ-бы хотя временно успокоиться, которыя могли бы придать его жизни, хотя предположительно, какой-нибудь опредѣленный смыслъ и направленіе.

Конечно, эти новыя начала, искусственно и болѣе или менѣе несовершенно созданныя имъ самимъ, уже не могутъ такъ безраздѣльно, глубоко и властно владѣть его душой, какъ тѣ, которыя не имъ самимъ были кое-какъ слѣплены, но вытекали изъ самихъ глубинъ природы этой души, и отъ которыхъ онъ легкомысленно отрекся. Конечно, не даютъ они его жизни ни такой прочной, незыблемой опоры, ни такого ясно опредѣленнаго направленія и смысла, какъ послѣднія, создававшіяся не путемъ сомнѣнія и доказательства, а потому и стоявшія выше ихъ, бывшія непоколебимыми среди всей сумятицы жизни и разногласія теорій. Конечно, самъ онъ въ глубинѣ своего духа не можетъ не сознавать всей непрочности и неполноты искусственно построенныхъ имъ новыхъ началъ, придуманныхъ вѣрованій и надеждъ, вѣчно требующихъ укрѣпленія ихъ новыми доказательствами и дополненія новыми пристройками,—ради не вмѣщающейся въ ихъ искуственныя рамки полноты жизни,—вѣчно спорными и остающимися подъ сомнѣніемъ! Онъ не можетъ не сознавать неполноты и безсилія своей вѣры въ свое собственное хрупкое созданіе мысли—(вѣдь авторъ всегда больше произведенія!). Онъ не можетъ и со всей беззавѣтностью страсти отдаться поклоненію и служенію этому своему искусственному созданію, зная его происхожденіе. Онъ кое-какъ вѣритъ въ него и кое-какъ служитъ ему только потому, что невозможно, оставаясь человѣкомъ, жить ни чему не вѣря и ничему не служа. Но внутренняя разорванность, сознаніе самообмана, безпочвенности, страданіе и безсиліе—естественный удѣлъ тѣхъ, чье духовное богатство *все* со-

стоитъ лишь въ такой неполной и искуственной вѣрѣ, обманывающей себя слишкомъ искусственными для того, чтобы быть убѣдительными, доказательствами! Это неизбѣжный удѣлъ тѣхъ, кто, отвратившись отъ истиннаго Бога, истиннаго голоса своей души, замѣнили его созданнымъ своимъ искусствомъ рукотворнымъ идоломъ, въ котораго однако—увы!—не могутъ они вполнѣ вѣрить, которому не могутъ и искренно, страстно служить!

Человѣчество нашего вѣка болѣе чѣмъ когда-либо отличается критикой и безпощаднымъ отрицаніемъ всѣхъ идеальныхъ началъ и цѣлей жизни, которыми жило человѣчество прежнее,—и религіозныхъ, и нравственныхъ, и метафизическихъ, и эстетическихъ. Никогда еще не тратило человѣчество столько страстной энергіи мысли, столько пытливости, умственнаго труда, знанія и остроумія на выработку новыхъ раціональныхъ идеальныхъ цѣлей и началъ жизни, взамѣнъ отринутымъ традиціонныхъ, какъ въ нашъ вѣкъ. Ломка всѣхъ историческихъ идеаловъ человѣчества и попытки построенія новыхъ, чистораціональныхъ, „научно“-доказательныхъ, которыми будто бы будетъ жить духовно грядущее счастливое человѣчество, ничего, никакой области не оставили нетронутыми въ нашей умственной жизни, — и въ наукѣ, и въ религіи, и въ нравственности, и въ искуствѣ. Традиціонныя естественныя начала ихъ по всюду замѣняются раціональными, искусственными;—ничего безотчетно и мощно властвовавшаго надъ душами прежнихъ людей не должно оставаться, и отнынѣ власть надъ душой должна быть передана, всецѣло, исключительно, точному, цѣлесообразно разсчитываю-

щему *разсудку*. Голосу прежняго Бога, согрѣвавшаго и направлявшаго ея жизнь, душа новаго человѣчества уже не должна внимать въ себѣ; повиноваться, вѣрить и служить она должна отнынѣ лишь собственному разуму и имъ полагаемымъ и оправдываемымъ разумнымъ цѣлямъ. На мѣсто прежнихъ идеальныхъ началъ религіи, нравственности, искусства и науки, выдвигается новое идеальное же, но уже разсудочное, не безусловное, начало жизни.

Это новое начало, долженствующее, по мысли громаднаго большинства „современныхъ“ людей, замѣнить всѣ прежніе безусловные идеалы, подчинить себѣ всѣ задачи духовной жизни и дать ей внутренній смыслъ и направленіе,—съ замѣчательнымъ единодушіемъ предлагается въ наши дни человѣчеству съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, въ самыхъ различныхъ областяхъ приложенія. „Общественное благо“, служеніе ему всею нашею духовною жизнью и всѣми ея силами, вотъ это новое начало, выдвигаемое представителями мысли нашего вѣка на мѣсто всѣхъ прежнихъ идеальныхъ началъ. Служеніе „общественному благу“,—вотъ что должно, по ихъ ученію, давать смыслъ, оправданіе и направленіе и нашей наукѣ, и нравственности, и искусству, и религіи, и всей нашей жизни. Въ самоотверженномъ, „альтруистическомъ“ служеніи „общественному благу“—для нихъ критерій нравственной цѣнности и людей, и поступковъ, ихъ осужденіе или оправданіе.

Эта идея „общественнаго блага“, какъ высшаго критерія жизни, опредѣляющаго задачу и направленіе и науки, и религіи, и нравственности, была уже разъ господствующею идеей въ исторіи. Такъ было въ человѣ-

чествѣ классическаго, языческаго міра. „Внутренній человѣкъ“, съ его глубочайшими духовными потребностями и безусловными задачами, въ ту эпоху еще не пробудился и не опредѣлился, живя жизнью общею, слитною съ окружающею его природой и интересами общества. Но въ наше время эта же идея предлагается, какъ высшая, руководящая, человѣчеству, уже прожившему почти двѣ тысячи лѣтъ послѣ духовнаго возрожденія его христіанствомъ, послѣ пробужденія къ самой страстной и глубокой жизни именно внутренняго человѣка, и высочайшаго развитія безусловныхъ идеальныхъ задачъ его религіи, нравственности, науки и т. д.*). Вслѣдствіе этого кореннаго различія въ цѣломъ строѣ двухъ великихъ историческихъ эпохъ, классической и христіанской, и самая идея служенія общественному благу, какъ высочайшему и всенаправляющему изъ идеальныхъ требованій духа, является въ той и другой далеко не одинаково законченной, свободной отъ самопротиворѣчій и обоснованной. Не противорѣча ни сама себѣ, ни цѣлому духовному строю человѣка классическаго міра и его основнымъ задачамъ, эта идея, какъ верховная, всеподчиняющая, всей человѣческой жизни придающая и смыслъ, и цѣнность, и достоинство,—для міра новаго, христіанскаго, является и не вмѣщающей въ себѣ всей полноты его жизни, и самопрориворѣчивой, и противорѣчащей задачамъ духовной дѣятельности новаго человѣка, искажающей и съуживающей эти задачи и въ сферѣ религіи, и въ нравственности, и въ наукѣ его, и искусствѣ.

*) Ср. по этому предмету мою брошюру „Изъ итоговъ вѣка“ Москва 1891 г.

Здѣсь мы имѣемъ въ виду прежде всего указать на тѣ внутреннія самопротиворѣчія и натяжки, которыя дѣлаютъ совершенно несостоятельными попытки связать служеніе общественному благу съ *самымъ существомъ* религіозной и нравственной задачи жизни. Этихъ попытокъ, видящихъ въ служеніи „общественному благу“, возможно болѣе альтруистическомъ, безкорыстномъ и самоотверженномъ, самое существо „религіознаго и нравственнаго настроенія“, наше время представляетъ такую массу и въ такихъ разнообразныхъ версіяхъ, что нѣтъ надобности поименовывать ихъ отдѣльно. „Общественное благо“, какъ конечная и существеннѣйшая задача и науки, и искусства, и религіи, и нравственности, является *общимъ* лозунгомъ всѣхъ новѣйшихъ многочисленныхъ ученій послѣднихъ лѣтъ, порвавшихъ съ традиціонною религіей и нравственностью, съ метафизикой и чистою эстетикой,— ученій позитивныхъ, утилитарныхъ, эволюціонныхъ, свободныхъ и т. д. и т. д. Ограничиваясь въ послѣдующемъ лишь общимъ указаніемъ на то зло и разладъ, какіе вноситъ отождествленіе общественнаго блага съ конечною задачей знанія, искусства и нравственной жизни, мы остановимся въ началѣ на несостоятельности отождествленія служенія общественному благу — съ „религіознымъ настроеніемъ“, самоотверженною любовью къ Богу и людямъ. Мы постараемся разъяснить, что общественное благо, по самому существу своему, есть нѣчто чисто-утилитарное, не коренящееся ни въ какихъ личныхъ, внутреннихъ настроеніяхъ и не ихъ имѣющее въ виду, но общее, условное и безличное.

II.

Идеализируя начало общественнаго блага и выставляя служеніе ему какъ ту высочайшую и всеопредѣляющую задачу, которая придаетъ смыслъ и достоинство всѣмъ нашимъ духовнымъ дѣятельностямъ,—и научной, и нравственной, и религіозной, — слишкомъ явно искажаютъ совершенно точный и опредѣленный смыслъ понятія „общественнаго блага“. Слишкомъ рѣшительно не хотятъ видѣть, что содержаніе этого понятія *менѣе всего* идеально и пригодно служить началомъ жизни внутренняго человѣка, жизни духовной. Не хотятъ видѣть, что тѣ блага, изъ которыхъ слагается цѣлое „общественное благо“, не имѣютъ *никакого* прямого и непосредственнаго отношенія къ внутренней жизни духа, затрогивая область послѣдней лишь косвенно и со стороны.

Что такое всегда и вездѣ разумѣлось подъ общественнымъ благомъ? Благо общественнаго *союза*, внутренняя и внѣшняя крѣпость, прочность, мощь и процвѣтаніе той внѣшней организаціи общей жизни гражданъ, которая создаетъ *общія безличныя условія* осуществленія каждымъ изъ нихъ стремленій и задачъ его собственной личной жизни, — условій болѣе или менѣе благопріятныхъ для тѣхъ или другихъ изъ этихъ стремленій и задачъ, но не создающихъ по-

слѣднихъ и не осуществляющихъ ихъ для каждаго въ отдѣльности. Внутренній міръ самихъ членовъ общества, ихъ личныя настроенія и стремленія — только *отвнѣ* и формально затрагиваются этою совокупностью общихъ условій внѣшней дѣятельности, общей органанизаціи внѣшней жизни, благо которой и есть „общественное благо“; они не создаются ею. Въ томъ или другомъ строѣ общества гражданамъ можетъ открываться большая или меньшая возможность служить интересамъ науки, искусства, промышленности, богатѣть, искать счастія въ семейной жизни и т. п. Но никакой строй жизни, никакая совокупность общихъ условій политическихъ, правовыхъ и соціальныхъ не создаютъ сами по себѣ великихъ ученыхъ и поэтовъ, не даютъ отдѣльнымъ людямъ ни готоваго богатства, ни семейнаго счастія. Внутренняго настроенія людей, ихъ свободы и самодѣятельности они не замѣняютъ и не устраняютъ, вовсе и не вторгаясь въ этотъ духовный міръ жизни, но опредѣляютъ только общія *формы* проявленія послѣдняго во внѣ, во внѣшней дѣятельности.

И послѣдняя важна съ точки зрѣнія общественнаго блага и цѣнится лишь какъ *полезная и вредная* для крѣпости и преуспѣянія общественнаго цѣлаго,—только утилитарно, *независимо* отъ оцѣнки лежащихъ въ основѣ этой дѣятельности внутреннихъ побужденій, духовныхъ настроеній и т. п. Изъ всѣхъ настроеній внутренняго человѣка само по себѣ цѣнно и важно только *одно*, съ точки зрѣнія общественнаго блага, ибо одно оно непосредственно обусловливаетъ внутреннюю крѣпость общественнаго цѣлаго. Это—любовь людей къ этому цѣлому, къ своей родинѣ, готовая на

жертвы преданность ея интересамъ, патріотизмъ. Только это одно настроеніе внутренняго міра человѣка и цѣнно съ утилитарной и безличной точки зрѣнія общественнаго блага; къ другимъ-же внутреннимъ настроеніямъ она относится безразлично, не знаетъ ихъ и не должна знать, ибо имѣетъ въ виду не личную, внутреннюю жизнь, а лишь *общія* условія внѣшней жизни и дѣятельности. Самый возвышенный нравственный подвигъ, самая безукоризненная святость и чистота помысловъ, самое безкорыстное и беззавѣтное, полное самопожертвованія преслѣдованіе идеаловъ истины и красоты, съ точки зрѣнія „общественнаго блага“, какъ такого, не существуютъ, не важны, доколѣ они своимъ проявленіемъ въ дѣйствіи не приносятъ общественному цѣлому замѣтной въ общемъ, осязательной пользы или вреда, но остаются въ ограниченной, незамѣтной сферѣ вліянія. Съ этой точки зрѣнія, — совершенно послѣдовательно и *правильно*, — какой нибудь ни во что серьезно не вѣрящій, циничнo продающій свое перо всякому, кто дороже дастъ, но читаемый въ очень обширномъ кругѣ публицистъ цѣнится гораздо болѣе, чѣмъ скромный и серьезный, не всѣмъ по своей глубинѣ и искренности доступный мыслитель; аферистъ театральный антрепренеръ, совершенно равнодушный къ интересамъ искусства — болѣе чѣмъ вдохновенный, безкорыстный поэтъ-неудачникъ; — крупный дисконтеръ или „мытарь“, операціи котораго серьезно вліяютъ на обширный торговый и денежный рынокъ — болѣе чѣмъ исполненная самыхъ безкорыстныхъ и возвышенныхъ стремленій, но не сильно вліявшая на окружающее личность. Такъ всегда было съ точки зрѣнія „общественнаго блага“; такъ, повторя-

емъ, — послѣдовательно и правильно и должно быть, доколѣ общественное благо остается общественнымъ благомъ, т. е. благомъ внѣшней общественной организаціи, имѣющимъ въ виду только внѣшнія, осязательныя полезности, но не внутреннія настроенія человѣка не его духовный міръ съ его идеальными запросами и началами. Напрасно было бы сожалѣніе о такомъ коренномъ разладѣ между оцѣнкою людей и поступковъ съ утилитарной точки зрѣнія общественнаго блага, политики и права, и съ болѣе высокихъ точекъ зрѣнія — нравственной и религіозной. Это было бы наивною сентиментальностью, ибо корень разлада лежитъ въ самомъ неидеальномъ, но чисто утилитарномъ существѣ общественнаго блага,—существѣ, которое не измѣнится, пока общество, общественная организація, останутся необходимымъ внѣшнимъ *условіемъ* человѣчной жизни, независимо отъ иныхъ высшихъ внутреннихъ и личныхъ задачъ ея. Но пока они составляютъ такое навѣки необходимое условіе жизни— ничѣмъ инымъ, какъ крайней узкостью слишкомъ „прямолинейной“ мысли, представляются попытки устранить указанный разладъ путемъ простаго *отрицанія* общества и общественнаго блага, какъ дѣлаетъ это графъ Л. Н. Толстой, или путемъ косвеннаго, полусознательнаго отрицанія значенія и правъ внутренняго, идеальнаго міра человѣка,—какъ дѣлаютъ это тѣ, кто стремится *подчинить* всѣ задачи послѣдняго задачѣ служенія общественному благу, какъ верховному жизненному началу!

Если „общественное благо“ есть не благо идеальное, но вполнѣ и исключительно реальное, если служеніе ему зависитъ отъ полезности и цѣлесообраз-

ности поступковъ, а не отъ нравственной высоты настроенія и достоинства внутреннихъ побужденій, не выходитъ изъ предѣловъ чисто утилитарной точки зрѣнія,—то конечно только по недоразумѣнію возможно требовать связи служенія общественному благу съ самоотреченіемъ божественной любви, альтруизмомъ и т. д. Самоотреченіе любви здѣсь столь же мало необходимо и даже возможно, какъ и самоотреченіе въ области политики или права. Возможно, по недоразумѣнію, вовсе отрицать политику или право, но даже по недоразумѣнію невозможно говорить о самоотреченіи въ политикѣ или правѣ, составляющихъ именно условія *самоутвержденія и охраны* признанныхъ интересовъ и правомочій.

Министръ, который, во имя самоотреченія, поступился бы интересамн своей родины чужеземной державѣ, былъ бы измѣнникомъ; купецъ или промышленникъ, которые, исполнившись альтруизма, стали бы раздавать даромъ свои произведенія и товары, перестали-бы торговать и производить цѣнности; судебный приставъ, который, во имя божественной любви уничтожилъ бы порученный ему исполнительный листъ—пересталъ бы быть исполнителемъ правосудія. Какъ для политики высочайшемъ принципомъ всегда будетъ salus publicum suprema lex esto, такъ и въ правѣ хотя никто и недолженъ быть *понуждаемъ* къ осуществленію своего права, но всякому должны быть сохранены условія возможности такого осуществленія, если онъ его пожелаетъ,—иначе нѣтъ и самаго права! Область общественнаго блага, политики, права и экономіи—не идеальная область любви и самоотверженія, осуществленія нравственной

или религіозной задачи. Здѣсь высшее начало — формальной справедливости, но не любви. И сожалѣніе объ этомъ было-бы столь-же празднымъ, какъ и сожалѣніе о томъ, что мы на землѣ обречены жить не одной чисто духовною жизнью, но и матеріальной, съ ея болѣзнями, нуждой и несвободой. Невозможность связывать служеніе общественному благу съ требованіями любви и самоотреченія, съ нравственно-религіознымъ идеаломъ, обнаруживается уже въ томъ коренномъ самопротиворѣчіи, которое безповоротно осуждаетъ всѣ попытки подобной связи. Вѣдь если служеніе общественному благу требуетъ отъ меня самоотреченія отъ своего блага, то такого-же отреченія отъ своего личнаго блага требуетъ оно и отъ всѣхъ другихъ! Но если всѣ отъ своего блага отказались, то для кого-же получается какое-бы то ни было благо?! Если же самоотреченіе тѣмъ не менѣе требуется, то очевидно уже не какъ путь къ неосуществимому черезъ него благу, а *само по себѣ*,—не какъ средство служенія „общественному благу“, а какъ безотносительное духовное благо, благо само по себѣ, во внутреннемъ духовномъ мірѣ! *)

*) Страдающее указаннымъ кореннымъ самопротиворѣчіемъ, глубоко—фальшивое но излюбленное современностью ученіе *альтруизма* совершенно напрасно связываетъ свое фантастическое и нераціональное требованіе, чтобы человѣкъ любилъ ближняго *больше* чѣмъ самаго себя, съ ученіемъ христіанства. *Большей* чѣмъ къ самому себѣ любви, любви чисто самоотверженной, Христово ученіе требуетъ отъ человѣка не къ другимъ людямъ во имя ихъ блага (ихъ требуется любить лишь *какъ* самаго себя, въ чемъ еще самоотреченія не заключается), но лишь—къ Богу, къ божественной правдѣ истинѣ и красотѣ. Во имя послѣднихъ, во имя Божіе требуетъ христіанство безза-

Полная разнородность и несоизмѣримость утилитарныхъ требованій „общественнаго блага“ и идеальныхъ задачъ нашего внутренняго духовнаго міра сказывается весьма прискорбными послѣдствіями во всѣхъ областяхъ духовной дѣятельности, которыя болѣе или менѣе подчиняются въ наше время задачѣ служенія общественному благу, какъ верховной, руководящей. Ни одна изъ этихъ областей отъ такого подчиненія не выиграла, и всѣ онѣ многаго, самаго цѣннаго и важнаго въ нихъ, на долго лишились. *) Въ наукѣ подчиненіе ея задачи общему благу создало идеалъ науки ради практической пользы только,—ради увеличенія удобствъ и средствъ жизни, savoir pour prevoir и pouvoir. Для *этой* науки важно одно знаніе порядка, въ какомъ неизмѣнно чередуются явленія, какъ средство цѣлесообразно распоряжаться ими, но не нужно *пониманіе* ихъ смысла и значенія;—вмѣстѣ съ этимъ и задачи пониманія, и исканіе смысла въ данномъ мірѣ и всѣ жизненнѣйшіе вопросы метафизики для мысли представляются уже праздными; наука мельчаетъ и скудѣетъ. Въ искусствѣ то-же стремленіе

вѣтнаго самоотверженія, „положенія души своей за други“, но никакъ не во имя благополучія этихъ друзей, ближнихъ, не во имя увеличенія ихъ жизненнаго комфорта, расширенія ихъ политическихъ или гражданскихъ правъ, облегченія производства или улучшенія распредѣленія матерьяльныхъ благъ. „Положеніе души своей“ ради подобныхъ задачъ едва-ли какимъ бы то ни было христіанскимъ учителемъ будетъ признано за *христіанскій* „подвигъ“!

*) Объ этомъ предметѣ мнѣ уже много разъ приходилось высказываться обстоятельнѣе, особенно въ брошюрахъ; „Смыслъ исторіи и идеалы прогресса“ (Москва 1886 г. изд. 2-е) и „Изъ итоговъ вѣка“ (Москва, 1891 г.)

служить общественному благу создало искусство тенденціозное, замѣнило исканіе красоты и внутренней правды художественнаго типичнаго образа—„человѣческими протоколами“ и проповѣдью разныхъ общихъ, отвлеченныхъ соціальныхъ и политическихъ программъ. Красоты и поучающихъ своею правдой *типовъ* напрасно будемъ мы искать въ новѣйшемъ искусствѣ; рабское и ничему ненаучающее копированіе случайной нетипичной дѣйствительности и отвлеченныя разсужденія въ легкой ненаучной формѣ—вотъ что преобладаетъ въ немъ. Въ нравственности—сухой и бездушный утилитаризмъ, весь направленный вовнѣ, въ область внѣшнихъ полезностей и формъ, и мало заботящійся о самомъ источникѣ нравственной жизни, о внутреннемъ человѣкѣ, низводимомъ на степень простаго *орудія* производства разныхъ благъ для себя и окружающихъ! Вездѣ подчиненіе верховенству начала „общественнаго блага“ шло параллельно съ умаленіемъ значенія и измельчаніемъ внутренняго, духовнаго человѣка, его идеальныхъ, безусловныхъ началъ и задачъ.

Всего ярче и прискорбнѣе должно сказаться это умаленіе и измельчаніе духовнаго человѣка, конечно, въ той области, въ которой его внутренняя жизнь находитъ наиболѣе глубокое, страстное, и всестороннее свое выраженіе, въ области религіозной жизни, религіознаго настроенія. Служеніе общественному благу, чисто утилитарное и имѣющее въ виду одну полезность поступковъ, а не лежащія въ нихъ основѣ внутреннія настроенія, не самый духовный міръ, всего менѣе можетъ быть связываемо съ религіознымъ настроеніемъ и религіозной задачей. Религіоз-

наго настроенія и спасенія не существуетъ безъ самоотверженной дѣятельной любви къ Богу и людямъ, какъ прекрасно снова разъяснилъ недавно архимандритъ Антоній въ статьѣ своей, помѣщенной въ 12 книжкѣ журнала „Вопросы философіи и психологіи“. Безъ этой любви и самые даже полезные для окружающихъ людей поступки наши не имѣютъ, при всей своей полезности, религіозной цѣнности, не ведутъ ко спасенію; не ведутъ къ нему и не религіозны по существу, какъ прекрасно же показываетъ архимандритъ Антоній, ни самый строгій аскетизмъ, ни дѣла обрядоваго благочестія, не согрѣтыя любовью, а вызванныя единственно эгоистическою надеждой на загробное воздаяніе или голымъ страхомъ карающаго гнѣва Всемогущаго. И эта любовь, составляющая самую душу религіознаго настроенія и жизни, есть не только внѣшній *поступокъ* и не разумно, но холодно *понятый* долгъ, а прежде всего—горячее и искреннее, безкорыстное *чувство*. Не есть она, наконецъ и простое *средство*, которымъ пріобрѣтается спасеніе, вѣчная жизнь, не утилитарна, но составляетъ самое существо, содержаніе спасенія и причастности вѣчной жизни.

Все это несомнѣнно вѣрно; но при чемъ тутъ „служеніе общественному благу“ гг. альтруистовъ или „соціальному прогрессу“ Вл. Соловьева?! *Такая* любовь, составляющая самую душу религіозности, любовь, какъ чувство, любовь неутилитарная и любовь къ духовнымъ существамъ, Богу и людямъ, а не въ внѣшнимъ благамъ и формамъ,—что она имѣетъ общаго съ чисто утилитарнымъ, чисто разсудочнымъ и чисто внѣшнимъ служе-

ніемъ „общественному благу?“ Какъ можетъ она быть *подчиняема* задачѣ послѣдняго и руководима ею, если это общественное благо объемлетъ одну полезность внѣшнихъ поступковъ, но къ внутреннимъ побужденіямъ и чувствамъ совершенно безразлично относится личности, духовнаго міра вовсе не знаетъ?! Очевидно, что любовь къ людямъ, единеніе съ ихъ *внутреннею* жизнью и дѣятельное участіе въ ней всѣми своими помыслами и стремленіями—вовсе не то, что служеніе общественному благу, какъ такому. Она также далека отъ послѣдняго, какъ и отъ той любви не къ людямъ, а къ „единому человѣчеству“, организованному въ единство, и къ самой организаціи этого единства человѣчества, которую проповѣдуетъ Вл. Соловьевъ (см. мою статью „Русск. Вѣст.“ 1890 г \ *). Не единое человѣчество, не его организація и не безличное общественное благо, но только духовная личность, ея жизнь могутъ быть предметомъ искренняго, не головнаго *чувства* любви вообще и религіозной любви въ частности. И только такая любовь, какъ не служащая внѣшнимъ цѣлямъ и благамъ, но самодовлѣющая, не утилитарная, можетъ быть и самоотверженной и вмѣстѣ блаженной, тогда какъ самоотреченіе, самоотверженіе въ сферѣ утилитарнаго общественнаго блага является непримиримымъ самопротиворѣчіемъ.

Нѣтъ, не въ началѣ „общественнаго блага“ мо-

*) Вопросу о различіи совершенно реальной любви къ людямъ отъ психологически невозможной любви къ «единому человѣчеству“ посвящена у меня вся III-я глава брошюры „чувство, какъ нравственное начало“ (Москва, 1886 г.).

тутъ почерпнуть новую крѣпость и жизненность наши идеальные помыслы и стремленія! Не въ задачахъ и благахъ политическихъ, юридическихъ и соціальныхъ—оправданіе, внутренній смыслъ и жизненная мощь идеальныхъ религіозныхъ началъ нашей внутренней жизни, но наоборотъ. Несомнѣнно это крайней мѣрѣ для человѣчества, выросшаго въ великой школѣ Христова ученія!

III.

Но не въ одной нравственно-религіозной области пытается мысль нашего времени утвердить за „общественнымъ благомъ“ значеніе верховнаго принципа человѣческой дѣятельности, какъ мы уже указывали. Огромное число ученій новѣйшаго времени, выражающихъ собою болѣе или менѣе сознательно и полно характернѣйшую тенденцію мысли современнаго человѣчества, совершенно ясно и недвусмысленно проникнуты однимъ общимъ стремленіемъ. Это — стремленіе подчинить руководящія начала, принципы *всѣхъ* дѣятельностей человѣка, всѣ его критеріи истиннаго, добраго и прекраснаго — одному началу, одному критерію — „общественнаго блага“. Служеніе послѣднему — вотъ что должно, какъ они думаютъ, придавать человѣческой мысли, жизни и дѣятельности ихъ истину, добро и красоту, ихъ достоинство и конечное оправданіе. Внѣ этого служенія — наши мысли, чувства и поступки, какими бы они принципами ни были проникнуты и вызваны, лишаются этого достоинства, дѣйствительной цѣнности и оправданія. Нѣтъ начала выше „общественнаго блага“ и нѣтъ дѣйствія, не оправдываемаго его требованіями, — таково коренное убѣжденіе всѣхъ этихъ ученій!

Этому началу общественнаго блага стремятся, для

его превознесенія, придать не утилитарное только и условное значеніе, какое ему несомнѣнно и по праву принадлежитъ,—но и высочайшее нравственное и даже религіозное значеніе! Его ставятъ въ необходимую будто бы внутреннюю связь съ требованіями самоотверженной любви, безкорыстнаго подвига, альтруизма; увѣряютъ, будто бы чѣмъ сильнѣе горитъ въ нашей душѣ безкорыстная любовь къ людямъ и къ Богу, тѣмъ ревностнѣе побуждаемся мы служить „общественному благу“,—не лично людямъ и не личному Богу. а именно *общественному* благу, т.-е. благу безличнаго союза, организаціи и процвѣтанію общественной жизни. Выше я старался показать, въ общихъ чертахъ, всю несостоятельность подобнаго истолкованія понятія общественнаго блага и приписыванія ему высочайшаго нравственнаго и религіознаго значенія. Я старался показать, что общественное благо прямымъ предметомъ своимъ имѣетъ отнюдь не внутренній, нравственный міръ людей, ихъ духовныя настроенія и помыслы, но лишь ихъ внѣшнія дѣйствія, какъ полезныя или вредныя съ точки зрѣнія внѣшней организаціи общежитія, лишь самое это организованное общежитіе; — что поэтому и внутреннія настроенія самоотверженной любви и преданности, имѣющія предметомъ *личныя* существа, людей и Бога, а не безличныя общія полезности, условія и формы внѣшней жизни, ни въ какомъ внутреннемъ, необходимомъ отношеніи къ „общественному благу“ не стоятъ и никакого чисто-нравственнаго или религіознаго характера послѣднему не придаютъ. Одно только чувство любви къ родинѣ, патріотизмъ, изо всѣхъ настроеній внутренняго человѣка, относится прямо къ самой

исторической внѣшней формѣ общежитія. Но благо „отечества“ очевидно далеко не вездѣ и не всегда совпадаетъ съ понятіями людей объ „общественномъ благѣ“, и положительныя требованія любви къ родинѣ далеко не такъ чисто-утилитарны и разсудочны, какъ требованія „общественнаго блага“! Теоріи общественнаго блага даже наичаще были теоріями *космополитическими*.

Постаравшись уяснить неизгладимыя границы, навсегда отдѣляющія область общественнаго блага и служенія ему отъ жизни нравственной и религіозной, жизни внутренняго, духовнаго человѣка, мы теперь попытаемся выяснить, почему *начало общественнаго блага и вообще не можетъ быть верховнымъ началомъ, принципомъ дѣятельности*, хотя можетъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и должно быть *цѣлью* дѣятельности человѣка.

Цѣль, преслѣдуемая дѣятельностью, далеко не одно и то же съ внутреннимъ принципомъ, руководящимъ началомъ этой дѣятельности, — хотя оба понятія нерѣдко и смѣшиваются. Смѣшиваются эти два понятія, къ сожалѣнію, даже моралистами нашего времени, забывающими, что въ самой основѣ раздѣленія всѣхъ нравственныхъ ученій на двѣ главныя группы — относительныхъ и безусловныхъ — лежитъ именно вопросъ о томъ: въ чемъ нужно искать основанія нравственной системы, въ *цѣляхъ*-ли дѣятельности или въ ея *началахъ*, принципахъ? Для подобныхъ моралистовъ какъ бы и не существовало никогда Кантова ученія, отъ котораго если и остается что-либо неопровержимо, незыблемо установленнаго, то именно доказательство невозможности построить этину на *цѣляхъ* воли

(матерьяльномъ основаніи) и необходимости искать *началъ* ея! И различіе между цѣлью и началомъ, принципомъ—вовсе не такое ужь глубокое и тонкое, чтобы его *легко* было проглядѣть! Оно очень ясно.

„Начало“ дѣятельности, принципъ, которымъ она дѣйствительно искренне руководится въ своемъ совершеніи, никогда не можетъ быть *не осуществленъ* этою дѣятельностью въ какой бы то ни было мѣрѣ. Это такъ потому, что, составляя внутреннее руководство, критерій самой этой дѣятельности, опредѣляя всякій шагъ ея, онъ и въ ея результатѣ даетъ не что-либо иное, совершенно ему чуждое, побочное, но свое же собственное болѣе или менѣе совершенное выраженіе, свое же собственное осуществленіе. Таковы всѣ дѣйствительныя *начала*. Мысль одушевленная стремленіемъ къ истинѣ, совершающая подъ его руководствомъ всѣ свои работы, приводитъ къ болѣе или менѣе полной мысли объ истинѣ же, а не къ иному какому либо результату, не заботясь о томъ, полезенъ этотъ результатъ или вреденъ, красивъ или ужасенъ; вытекающая изъ искренней любви къ человѣку дѣятельность и остается любовною дѣятельностью независимо отъ того, принесла ли она этому человѣку пользу, облегчила ли ему достиженіе какой-либо его случайной цѣли или нѣтъ; вызванная стремленіемъ къ прекрасному выраженію дѣятельность и осуществляетъ это стремленіе, болѣе или менѣе прекрасна, также какъ и дѣятельность, вытекающая изъ стремленія къ добру, сама по себѣ остается доброю, каковы бы ни были ея внѣшніе, побочные результаты,—крупные или ничтожные, полезные или безполезные. Здѣсь соображеніе возможныхъ внѣшнихъ результатовъ, зависящихъ отъ

массы внѣшнихъ, непредрасчислимыхъ и лежащихъ внѣ нашей власти условій, расчетъ послѣдствій поступка за которые человѣкъ никогда не можетъ быть *отвѣтственъ* такъ, какъ отвѣтственъ онъ за принципъ своего дѣйствія—не рѣшаетъ вопроса о достоинствѣ послѣдняго. Здѣсь царитъ правило: fais que dois, advienne que pourra, ясно и безъ всякихъ колебаній указывающее человѣку путь которому онъ *долженъ* слѣдовать, каковы бы ни были измѣнчивыя условія дѣйствія, какъ-бы хорошо или дурно не были они имъ поняты, какъ-бы много или мало не были въ его власти. Руководящее начало воли здѣсь и ясно, точно, и самоочевидно, не условно, равно для всѣхъ—и ученыхъ и невѣждъ, и сильныхъ и слабыхъ—вразумительное, *всеобщее*.

Человѣкъ, дѣйствительно честный, правдивый, любящій—таковъ не ради достиженія своей честностью, правдой и любовью какихъ-либо побочныхъ цѣлей, благъ и выгодъ, но единственно ради самой честности, правды и любви. Если же онъ честенъ и правдивъ только поскольку честностью и правдой достигаетъ какой-либо выгоды или пользы,—то его честность и правдивость—лицемѣрная и безнравственная маска, не болѣе. Тотъ, кто задумается надъ вопросомъ, стоитъ ли, цѣлесообразно ли оставаться вѣрнымъ закону въ данныхъ условіяхъ,— тотъ уже по существу своему—измѣнникъ закону, лишенъ какихъ бы то ни было принциповъ, ждетъ случая нарушить ихъ. Поэтому дѣятельность,—руководимая принципомъ, который самъ себѣ цѣль и ею осуществляется,—неизбѣжно и опредѣленна и *внутренно цѣлесообразна*. Настоящій принципъ, какъ руководящее начало дѣятельности и *самоцѣль* въ ней, довлѣетъ себѣ независимо

отъ какихъ-нибудь случайныхъ и измѣнчивыхъ соображеній цѣлесообразности, внѣшнихъ условій осуществленія и т. п. Онъ въ себѣ законченъ, всеобщъ, опредѣленъ и безусловенъ, какъ и *всегда* осуществленъ.

Обладаетъ ли этими признаками такъ называемое „общественное благо“? Обладаетъ ли оно и полной опредѣленностью своихъ требованій и законченностью въ себѣ и непремѣнной, не зависящей ни отъ какихъ случайныхъ, измѣнчивыхъ условій осуществимостью, разъ оно стало предметомъ желанія? Годно ли оно быть опредѣленнымъ (а неопредѣленный принципъ не можетъ быть руководящимъ!) и безусловнымъ, самодовлѣющимъ принципомъ, подобно началамъ и стины, добра, справедливости, любви, красоты? Годно-ли оно быть и нетолько опредѣленнымъ, но и *всеобщимъ* началомъ, доступнымъ всѣмъ людямъ, вообще причастнымъ нравственной жизни, а не немногимъ только избраннымъ?

IV.

Отнюдь нѣтъ. Общественное благо можетъ быть только цѣлью, *задачей*, къ осуществленію которой направляется человѣческая дѣятельность и которая смотря по цѣлесообразности или нецѣлесообразности послѣдней можетъ быть и осуществлена, и не осуществлена въ отдѣльныхъ случаяхъ.—Но никогда не можетъ оно замѣнить опредѣленнаго, только отъ себя зависящаго и потому всегда осуществленнаго, когда онъ признанъ закономъ, *) безусловнаго *принципа* дѣятельности. Эта цѣль человѣческой дѣятельности, какъ бы ни была она возвышена и прекрасна, въ своемъ *осуществленіи* зависитъ всецѣло отъ употребленія болѣе или менѣе цѣлесообразныхъ средствъ и отъ безконечнаго множества чуждыхъ ей, случайныхъ внѣшнихъ условій. Эта цѣль дѣятельности никогда не представляется и съ вполнѣ *законченной* и вполнѣ несомнѣнной, ничѣмъ случайнымъ неизмѣняемой опредѣленностью принципа. Наконецъ, эта цѣль дѣятельности, въ какихъ бы опредѣленныхъ и живыхъ образахъ ни рисовалась она моему умственному взору, отнюдь еще не даетъ мнѣ сама по себѣ опредѣлен-

*) Здѣсь требуется только сознаніе принципа, какъ такого, какъ закона.

наго руководства,—*какъ* я долженъ поступать, дѣйствовать, стремясь къ ея осуществленію.

Самое ясное сознаніе цѣли „общественнаго блага„ ещенисколько не дастъ мнѣ знанія о томъ, какими путями осуществить его въ данныхъ случайныхъ условіяхъ,— не такъ какъ въ принципахъ добра, истины и красоты, гдѣ сознанный принципъ есть вмѣстѣ и опредѣленное руководство дѣятельности и ея неизбѣжно, независимо отъ всякой внѣшней цѣлесообразности, осуществляющаяся самоцѣль. Въ области „общественнаго блага“ рѣшеніе вопроса о самой преслѣдуемой цѣли отнюдь не есть уже вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшеніе вопроса о цѣлесообразнѣйшихъ средствахъ ея осуществленія; въ области же принциповъ, въ области науки, религіи, нравственности, искусства—съ сознаніемъ цѣли дано уже и сознаніе средствъ,—цѣлесообразность здѣсь не внѣшняя, не случайная но внутренняя.

Поэтому же здѣсь, въ этой послѣдней области, гдѣ руководящее начало дѣятельности, принципъ, есть вмѣстѣ и *самоцѣль*,— невозможны какой-либо *разладъ* и проворѣчіе между цѣлью и средствами. Къ истинѣ не прійдетъ мысль посредствомъ сознательныхъ софизмовъ и лжи; съ ненавистью въ сердцѣ не совершается подвигъ любви, и путемъ насилія и обмана не укрѣпится въ жизни требованіе внутренней свободы, не утверждается и право внѣшней—въ предѣлахъ, не вторгающихся въ сферу чужой свободы. Здѣсь только истина рождаетъ истину, любовь рождаетъ любовь и правда—правду! Этого-то послѣдняго внутренно-необходимаго соотвѣтствія цѣли средствамъ и не существуетъ между тою цѣлью, которая преслѣдуется людьми въ формѣ „общественнаго блага“, и тѣми средствами, которыми

эта цѣль въ данныхъ условіяхъ осуществима и осуществляется. Цѣлесообразность здѣсь и внѣшняя, и условная; самыя же средства цѣнятся единственно лишь по своей цѣлесообразности, успѣшности, но не по внутреннему своему достоинству. И не нужно быть большимъ знатокомъ исторіи и политики для того, чтобы убѣдиться во всѣхъ этихъ свойствахъ „общественнаго блага“, лишающихъ понятіе о немъ рѣшительно значенія сколько либо достаточнаго,—а тѣмъ болѣе „верховнаго“, руководящаго начала въ жизни.

И въ теоріи и въ исторической дѣйствительности *внутреннее* достоинство тѣхъ средствъ, которыя предполагаются ведущими или приводили дѣйствительно къ „общественному благу“ того или другаго времени и народа, никогда не являлось *рѣшающимъ* моментомъ въ вопросѣ объ общественномъ благѣ, но всегда оставалось безразличнымъ, лишь бы эти средства обладали внѣшнею цѣлесообразностью, были *успѣшны*, хорошо разсчитаны. Никогда идеальныя требованія истины, добра и красоты не оправдываютъ обращенія къ средствамъ лжи, насилія, преступленія, попранія справедливости, равнодушной жертвы личнаго права, убѣжденія и самой жизни цѣлыхъ массъ людей! Но чего-чего, какихъ насилій, несправедливостей и преступленій не оправдывалось, разъ они являлись необходимыми средствами для „общественнаго блага“, признаннаго само-по себѣ, независимо отъ требованій нравственности и религіи, за *верховную*, всеосвящающую и всеоправдывающую задачу человѣческой жизни?! Не проповѣдуется ли во имя „общественнаго блага“ до сего времени ненаказуемость подлаго политическаго убійства и правомѣр-

ность взаимнаго обмана въ международной жизни или отношеніяхъ между парламентскими партіями? Не во имя ли общественнаго блага проливались рѣки неповинной крови въ дни террора „великой“ революціи, и нынѣ дѣйствуютъ темные рыцари динамита и кинжала? Не интересами ли общественнаго блага мотивировались казни столькихъ великихъ Сократовъ въ исторіи человѣчества; не во имя ли того же интереса допущена была и позорная казнь Самого Богочеловѣка тѣми, кто сами сознавали Его божественную чистоту и святость? Передъ какой ложью, какой несправедливостью, какимъ преступленіемъ останавливались требованія этого ненасытнаго Молоха—„общественнаго блага“, разъ за ними признавалось *верховное и исключительное* значеніе руководящаго начала въ жизни, какъ напр. въ „Князѣ“ Макіавелли?! Какими опредѣленными и незыблемыми критеріями опредѣлялось и въ теоріи, и въ исторіи дозволенное и недозволенное ради цѣли „общественнаго блага“??

Такихъ критеріевъ въ самомъ понятіи или представленіи общественнаго блага, какъ такого, *не содержится*. *Само по себѣ* общественное благо не знаетъ и не признаетъ никакихъ безусловныхъ, безотносительныхъ началъ, ни при какихъ условіяхъ ненарушимыхъ и священныхъ,—ни справедливости, ни любви, ни истины, ни добра. Единственный критерій людей, вещей и дѣйствій, признаваемый имъ въ *своей* области,—критерій относительной цѣлесообразности. А съ ея точки зрѣнія возможны и такія сочетанія условій, въ которыхъ любовь, справедливость и истина могутъ оказаться нецѣлесообразными, противными интересу „общественнаго блага“ настоящей минуты,

а потому и осуждаемыми и приносимыми въ жертву. Поэтому тамъ, гдѣ идеалъ „общественнаго блага“ возведенъ въ *верховное* руководящее начало жизни, неизбѣжно, самимъ его господствомъ, *отрицаются* какіе-либо безусловные, неизмѣнные и незыблемые принципы человѣческой жизни и дѣятельности! Въ руководство ей, вмѣсто всѣхъ этихъ надежныхъ и точно опредѣленныхъ началъ,—оставляется одно измѣнчивое, спорное, болѣе или менѣе неполное соображеніе цѣлесообразности,—сомнительный разсчетъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ, полезныхъ и вредныхъ послѣдствій того или другаго образа дѣйствія, а не сознаніе *несомнѣннаго* внутренняго ихъ достоинства съ точки зрѣнія истины, справедливости ихъ и т. п. „*Все дозволено* ради высокой цѣли въ извѣстныхъ условіяхъ“ — таковъ дивизъ общества, не знающаго руководящихъ началъ выше начала „общественнаго блага“ и независимыхъ отъ послѣдняго....

Но, расшатавъ такимъ образомъ во внутреннемъ мірѣ человѣка всѣ прочныя, точноопредѣленныя и несомнѣнно ясныя опоры, руководящія начала этого его нравственнаго міра, не становится ли „общественное благо“ въ вопіющее противорѣчіе съ самимъ собою? Не обращаетъ-ли оно, притязая на верховенство, само себя въ призракъ, въ неосуществимую ни въ какихъ условіяхъ невозможность? Какая крѣпость и жизненность организаціи общежитія возможна тамъ, гдѣ люди, соединенные въ этомъ общежитіи, отвергаютъ всѣ возможные безусловные принципы, только *условно*, до поры—до времени, до случая вѣрны своему слову, правдивы, признаютъ права другой личности и т. п.? Не осуждено-ли общество, дошедшее въ своемъ по-

клоненіи идолу „общественнаго блага“ до такой полной, ужасающей безпринципности,—на неизбѣжное распаденіе, разложеніе? Только желѣзная безпощадная внѣшняя власть въ состояніи еще временно поддерживать призракъ внѣшняго единства такого внутренне-дезорганизованнаго, распавшагося уже на свои составные атомы общества. Но и этотъ призракъ единства и силы не надолго можетъ быть поддержанъ даже и внѣшнею силой власти; разложеніе неизбѣжно возьметъ верхъ и надъ этой силой, и надъ всѣми накопленными для этого умирающаго общества благами и полезностями. Верховенство утилитарнаго начала „общественнаго блага“ *не* даетъ обществу внутренней жизненности, само себя уничтожаетъ, самопротиворѣчиво.

V.

Но если начало „общественнаго блага“ становится саморазрушающимъ, будучи возведено въ верховное жизненное начало, то не пригодно оно служить даже и однимъ изъ *подчиненныхъ* руководящихъ началъ жизни, въ силу другихъ своихъ недостатковъ. На первомъ мѣстѣ среди этихъ недостатковъ стоитъ полное отсутствіе ясной и точной *опредѣленности* представленій составляющаго мнимую задачу жизни общественнаго блага. Ничего не можетъ быть разнорѣчивѣе и противорѣчивѣе безчисленныхъ отвѣтовъ людей на вопросъ: что такое общественное благо, въ чемъ состоитъ оно? Чье это благо, какого союза людей? Благо ли только людей одного сословія или класса, или благо всѣхъ единоплеменниковъ, или—всѣхъ единовѣрцевъ, или благо всѣхъ гражданъ одного государства или благо всего человѣчества, свободнаго отъ всякихъ разграниченій соціальныхъ, племенныхъ, исповѣдныхъ, государственныхъ? Есть ли это благо только благо союза наличной совокупности современниковъ, соединившихся въ одно общество, въ силу сознанной общности своихъ интересовъ, или это—благо исторически-преемственнаго союза людей благо- опредѣляемое интересами не одной современности, но и сошедшихъ уже съ исторической сцены

и еще не родившихся, грядущихъ поколѣній? Есть ли это благо—только благо людей, соединившихся въ союзъ добровольный, договорный, по разсудочнымъ соображеніямъ своей наибольшей выгоды, или благо союза историческаго, сложившагося вѣками и всестороннее опредѣляющаго жизненныя судьбы своихъ членовъ, а не опредѣляемаго ихъ личнымъ произволомъ и разсудочнымъ соображеніемъ выгодъ или не выгодъ быть членомъ такого, а не иного союза?

Со всякимъ изъ безконечно-разнообразныхъ возможныхъ отвѣтовъ на эти вопросы связано совершенно особое представленіе того, въ чемъ состоитъ „общественное благо“, чего, оно требуетъ отъ посвятившаго ему свои силы человѣка и что оно ему даетъ въ замѣнъ. И въ чемъ только не полагали люди существа этого Протея – общественнаго блага? Полагали его и въ возможно большемъ равенствѣ людей по ихъ мыслямъ, чувствамъ, потребностямъ и средствамъ, и въ возможно большемъ просторѣ для индивидульнаго развитія, въ возможномъ разнообразіи личныхъ цѣлей и проявленій жизни,—и въ возможно болѣе полной организаціи и общей регламентаціи жизни, и въ ея полной, ничѣмъ не содерживаемой свободѣ,—и въ господствѣ задачъ государства надъ интересами соціальной жизни, и въ подчиненіи государства обществу;—и въ торжествѣ идеаловъ, и въ искорененіи всякаго идеала, какъ у Прудона; даже въ распространеніи въ обществѣ пессимистическаго, отрицающаго жизнь воззрѣнія видятъ иные (Гартманнъ и ученики) общественное благо, даже въ анархіи и въ стихійномъ разрушеніи всякаго слѣда человѣчной культуры ищутъ его другіе....

Гдѣ же выходъ изъ этого хаоса? Какое же изъ безчисленныхъ разнорѣчащихъ „общественныхъ благъ есть дѣйствительно то общественное благо, которому человѣкъ долженъ сознательно посвятить всѣ свои мысли, силы и стремленія?

Если выходъ изъ этого недоумѣнія, выборъ одного изъ представленій общественнаго блага, какъ твердаго жизненнаго идеала, является только конечнымъ *выводомъ* изъ цѣлаго міровоззрѣнія, результатомъ спеціальнаго философскаго изслѣдованія, цѣлой сложной цѣпи доказательствъ, споровъ искусственныхъ умопостроеній, —то такой выводъ очевидно въ *принципѣ*, въ руководящее начало жизни не годится, не самоочевиденъ и не всеобщъ! Такимъ началомъ можетъ быть только нѣчто безспорное, самоочевидное, всѣмъ и каждому ясное и доступное, каковы требованія правды, любви, справедливости и т. п. но не спорное, неполное и невполнѣ опредѣленное теоретическое построеніе. И изъ всѣхъ возможныхъ представленій общественнаго блага наиболѣе способно дѣйствительно руководить душевною жизнью человѣка именно то, которое *наименѣе* искусственно и раціонально, но полагаетъ это благо въ исторически данномъ и всесторонне (и бытомъ, и языкомъ, и въ чувствѣ, и въ мысли) вліяющемъ на эту жизнь, неизмышленномъ, положительномъ фактѣ,— въ благѣ *родины*, *отечества*. Только одно это представленіе „общественнаго блага“ вполнѣ *положительно*, точно и ясно и для мысли и для чувства, безспорно и независимо отъ произвола личнаго разсудка и похоти. И наоборотъ, чѣмъ представленіе „общественнаго блага“ разсудочнѣе, искусственнѣе,

космополитичнѣе, тѣмъ болѣе относится оно въ область спорныхъ теоремъ и тѣмъ оно далѣе отъ прочныхъ руководящихъ началъ жизни.

Но еще существеннѣе для представленія „общественнаго блага“, какъ руководящаго начала жизни, тотъ недостатокъ его, что какъ бы опредѣленно (чего, какъ видимъ, нѣтъ) ни указывало оно человѣку *цѣль*, къ которой онъ долженъ стремиться, — оно само по себѣ еще ничего не говоритъ о *средствахъ* достиженія этой цѣли, дѣйствіяхъ, необходимыхъ для ея осуществленія. Идеи истины, добра, справедливости *указываютъ* духу и цѣль его и вмѣстѣ критеріи средствъ, какъ мы уже говорили выше; но самая опредѣленная идея желательнаго „общественнаго блага“ не даетъ еще сама по себѣ ни малѣйшаго указанія на средства своего осуществленія. Средства эти опредѣлены не самымъ существомъ цѣли, какъ въ той области безусловныхъ принциповъ, но во всякомъ данномъ случаѣ—наличными измѣнчивыми условіями, въ которыхъ цѣль общаго блага имѣетъ быть осуществлена. Здѣсь цѣлесообразность средствъ—все; и цѣлесообразность здѣсь не внутренняя, непремѣнная, какъ въ той области принциповъ, а внѣшняя, случайная, которая можетъ быть и не быть, можетъ привести къ искомому благу, но и повредить ему. Ищущій истины или правды уже *знаетъ*, что не послужитъ ей ложью, а ищущій справедливости, что не послужитъ ей ненавистью и насиліемъ; для стремящагося же послужить общественному благу мало знать еще, въ чемъ это благо состоитъ, но необходимо еще и возможно полное и вѣрное *знаніе* всѣхъ наличныхъ случайныхъ условій дѣйствительности, въ которыхъ оно осущест-

вляется. Необходимо ему и возможно дальнозоркое и умудренное опытомъ *соображеніе* и крупныхъ, и мелкихъ, и близкихъ, и отдаленныхъ послѣдствій того или другого своего дѣйствія.

А это знаніе, этотъ опытъ и эта дальнозоркость не всѣмъ даются и не всѣмъ даны они въ одинаковой мѣрѣ! Не всѣ поэтому въ одинаковой мѣрѣ способны и призваны служить задачамъ „общественнаго блага“, но лишь обладающіе опредѣленными умственными силами, знаніями, и прошедшіе извѣстную подготовительную къ тому школу; тогда какъ правдивымъ, честнымъ, справедливымъ и любящимъ можетъ и долженъ быть всякій, независимо отъ размѣровъ своихъ умственныхъ силъ, своихъ знаній, опыта, положенія и т. д. Никто, поэтому, и *не вправѣ* отказаться отъ обязанности быть правдивымъ или справедливымъ, тогда какъ, наоборотъ, — далеко не всякій *вправѣ* взяться за дѣло служенія общественному благу, но лишь обладающій извѣстнымъ спеціальнымъ для того цензомъ, нужными силами. Конечно, нравственная жизнь въ человѣчествѣ обратилась бы въ невозможность, еслибы для совершенія нравственнаго дѣянія было необходимо полное соображеніе всѣхъ отдаленнѣйшихъ послѣдствій поступка, всѣхъ его вліяній на жизнь и близкихъ и далекихъ людей и всего человѣческаго рода, Тогда, за невозможностью такого „соображенія“, котораго наивно требуютъ мудрецы, вродѣ П. Каруса, ни одного поступка въ мірѣ и вовсе *не* совершилось бы. Къ счастію, нравственная дѣятельность покоится не на такомъ непосильномъ человѣку „соображеніи“, а на совершенно ясныхъ, самоочевидныхъ, точныхъ

и безусловныхъ началахъ, принципахъ истины, любви, справедливости. Но великимъ несчастіемъ для человѣчества было-бы, еслибы въ той области, гдѣ такихъ безусловныхъ принциповъ *нѣтъ*, и гдѣ все покоится на знаніи условій и средствъ, соображеніи послѣдствій, опытѣ и т. д., какова область служенія общественному благу, каждый, хотя бы и вовсе лишенный всѣхъ этихъ условій цѣлесообразной дѣятельности, былъ бы призванъ быть дѣятелемъ. Было бы ужасно—если бы каждый счелъ себя, не только вправѣ, но и *обязаннымъ* во что бы то ни стало служить общественному благу, которому и вправѣ и могутъ служить только весьма немногіе избранные.

Не можетъ быть возводимо въ общій человѣческій *долгъ*, въ критерій нравственной дѣятельности каждаго — такое дѣло, за которое браться далеко не каждому охотнику порисоваться и попробовать свои силы можетъ даже быть *дозволено*! А таково, конечно, дѣло служенія общественному благу, если только мы этому дѣлу придаемъ серьезное значеніе, считаемъ его отвѣтственнымъ и потому не можемъ довѣрять его умственнымъ и нравственнымъ недорослямъ, считающимъ себѣ *всякую* задачу по плечу, благодаря лишь своему духовному убожеству. Только для „ликующихъ и праздно болтающихъ“ можетъ задача служенія „общественному благу“ представляться всеобщею обязательной задачей нравственной жизни, но не для тѣхъ, кому дороги и интересы этой жизни и *самое общественное благо*! Какая-же, съ этой точки зрѣнія, нелѣпость представилась бы намъ болѣе вопіющею, чѣмъ нелѣпость ученія, требующаго подчиненія всѣхъ задачъ

духовной жизни человѣка, *всѣхъ* его помысловъ и стремленій—задачѣ немногимъ доступнаго и дозволеннаго служенія „общественному благу“? Какая нравственная идея *менѣе* идеи общественнаго блага способна служить *всеобщимъ* верховнымъ руководящимъ началомъ нравственной жизни человѣчества?!

Пусть *гордость* человѣка можетъ утѣшаться сознаніемъ его, что онъ нетолько вѣрный требованіямъ любви, правды и добра человѣкъ, но и созидатель „общественнаго блага“, распорядитель судьбами если не всего міра, то нѣкоторой части его, устроитель исторіи. Но какой страшной цѣной покупается это призрачное, мнимое и неизбѣжно уличаемое жизнью во лжи самоудовлетвореніе? Цѣною отреченія отъ безусловныхъ и прочныхъ руководящихъ началъ нравственной, духовной жизни,—цѣною разрушенія этой жизни, неизбѣжно наступающаго тамъ, гдѣ ея начала и задачи пытаются *подчинить неопредѣленной, условной и лишь немногимъ сильнымъ доступной и дозволенной задачѣ служенія общественному благу.*

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.